

Матеріалы, поступившіе въ Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельскохозя- йственной промышленности.

Крестьянское дѣло.

Краткій сводъ трудовъ мѣстныхъ комитетовъ о нуждахъ
сельскохозяйственной промышленности.

Программа вопросовъ, предложенныхъ мѣстными комите-
тамъ, совершенно не касалась зависимости сельскохозяйствен-
наго промысла отъ условий крестьянскаго землепользованія и
правопорядка. Тѣмъ не менѣе въ средѣ комитетовъ повсе-
мѣстно отмѣчено то первостепенное значеніе, которое принадле-
житъ въ общей экономіи нашей страны хозяйству крестьянъ,
властвующихъ почти двумя третями культурной площади Евро-
пейской Россіи и арендующихъ большую часть остальной.
Признавая при этихъ условіяхъ, что общій вопросъ о нуждахъ
сельскохозяйственной промышленности сводится къ вопросу о
нуждахъ крестьянскаго населенія, весьма многіе комитеты
обратили преимущественное вниманіе на стѣснительныя, по ихъ
мнѣнію, правовыя условія крестьянскаго хозяйства и пришли
къ согласному заключенію, что безъ коренныхъ измѣненій въ
этой области невозможно проявленіе хозяйственной предприим-
чивости, а слѣдовательно и улучшеніе земледѣльческой куль-
туры не помогутъ самымъ рациональнымъ техническимъ мѣры и
широкія жертвы Правительства для ихъ проведенія; напро-
тивъ того, съ устраненіемъ этихъ стѣсненій, связывающихъ
трудовую энергію народа, сельскохозяйственная промышлен-
ность разовьется самопроизвольно, безъ какихъ-либо чрезвы-
чайныхъ мѣропріятій со стороны Правительства.

Въ соответствии съ тѣмъ вниманіемъ, которое удѣлено
крестьянскому вопросу, онъ рассмотрѣнъ въ трудахъ многихъ
комитетовъ съ необходимой подробностью и освѣщенъ въ нѣ-
которыхъ отношеніяхъ весьма цѣнными фактическими данными;
вмѣстѣ съ тѣмъ высказанныя въ этихъ трудахъ пожеланія
даютъ вполне определенное и цѣльное представленіе о тѣхъ
измѣненіяхъ въ правовомъ положеніи крестьянской среды, ко-
торыя необходимы по мнѣнію значительнаго большинства об-
суждавшихъ этотъ вопросъ членовъ комитетовъ.

I.

Гражданское право крестьянъ.

Общинное владѣніе.

Между ними лишь меньшинство высказывается за общинно-
уравнительное землепользованіе, отбывая его, главнымъ обра-
зомъ, какъ гарантію отъ пролетаріата. Однако, нѣкоторые
признаютъ за этимъ строемъ извѣстные преимущества въ хо-
зяйственномъ отношеніи, указывая, что общность выпаса и во-
допоя, безпрепятственность проѣзда и прогона чрезвычайно
сокращаютъ расходы отдѣльныхъ хозяевъ; выдѣлъ же въ обо-
собленные участки потребуетъ значительныхъ издержекъ по
надзору за скотомъ, стойловому его содержанію, огоражива-
нію участковъ, рытью колодезевъ и перенесенію усадебъ. Вмѣстѣ

съ тѣмъ высказываются соображенія, что уровень сельскохо-
зяйственной культуры зависитъ отъ цѣлой совокупности эко-
номическихъ условий, опредѣляющихъ ту или другую систему
хозяйства, какъ наиболее выгодную для даннаго времени и
мѣстности. При наличности условий, обеспечивающихъ доход-
ность болѣе интенсивнаго хозяйства, крестьяне переходятъ къ
нему, причемъ община отнюдь не служитъ препятствіемъ, а,
напротивъ того, весьма успѣшно приспособляется къ новой
системѣ полеводства. Замѣчательныя въ этомъ отношеніи свой-
ства общины видны изъ массовыхъ примѣровъ перехода кре-
стьянъ отъ переложной системы къ толочной и къ трехполью
съ уваживаніемъ, а въ послѣднее время весьма показательно
подтверждены введеніемъ травопольнаго хозяйства въ промыс-
ленномъ и сѣверномъ районахъ Россіи. Это послѣднее указаніе
неуклонно приводится защитниками общиннаго строя, однако
преимущественно въ средѣ комитетовъ тѣхъ районовъ, гдѣ
крестьянскаго травосѣянія еще не существуетъ.

Совершенно противоположно изложенному обрисовывается
уравнительное землепользованіе значительнымъ большинствомъ
высказавшихся по этому вопросу членовъ комитетовъ. По
ихъ мнѣнію, при этомъ строѣ устраняется основной двига-
тель всякой матеріальной культуры—сознаніе и увѣренность,
что результатами работы воспользуется самъ трудящійся или
близкіе ему по крови и привязанностямъ лица. При времен-
ности владѣнія весь хозяйственный расчетъ сводится къ тому,
чтобы использовать возможно шире естественныя силы при-
роды, вкладывая въ землю возможно менѣе—въ мѣрѣ край-
ней необходимости, илѣя притомъ въ виду вернуть расходъ
полностью до истеченія срока владѣнія. Встрѣчаются постоян-
ныя указанія, что за нѣсколько лѣтъ до передѣла крестьяне
прекращаютъ всякое уваживаніе полей, то же происходитъ
въ теченіе всего времени, иногда весьма продолжительнаго,
пока согласятся объ условіяхъ новой разверстки. Стѣносы,
передѣляемые почти повсемѣстно каждую весну, лишены вся-
каго ухода и мало по малу обращаются въ кочкарныя забо-
лотья, покрываются порослью и мхомъ и даютъ ничтожный
укося. Временность владѣнія отнимаетъ всякое побужденіе къ
сохраненію производительныхъ силъ земли, и общинники стре-
мятся только къ увеличенію своихъ запасовъ; поэтому хищ-
нически распахивается кормовая площадь, что ведетъ къ
уменьшенію скота, ухудшенію удобренія и обработки самой
пашни. При неподвижности земельной культуры увеличиваю-
щееся населеніе вынуждено въ широкой мѣрѣ прибѣгать къ
внедѣльной арендѣ и къ покупкѣ земли. Этотъ постоянно
растущій спросъ на землю увеличиваетъ ея цѣну внѣ всякаго
соотвѣтствія съ доходностью, и крестьянинъ съ трудомъ вы-
ручаетъ съ арендуемой земли плату за свой трудъ, не полу-
чая никакого чистаго дохода. Между тѣмъ, на-ряду съ та-
кимъ повсюду ощущаемымъ малоземельемъ, въ надѣлѣ кре-
стьянъ увеличивается пространство неудобныхъ и просто за-
брошенныхъ земель. Первые появляются вслѣдствіе заблаци-
ванія и зарастанія луговъ, и въ особенности—распашки скло-

новъ балокъ и лѣсныхъ угодій, приводящей къ разрыву материка оврагами и обнаженію песковъ. Втория, т. е. заброшенные удобныя земли, обязаны своимъ происхожденіемъ уравнилельной разверсткѣ надѣла, тщательно учитывающей не только почвенныя качества земли, но и отдаленность ея отъ селенія; поэтому каждый общинникъ получаетъ нѣсколько десятковъ, а весьма нерѣдко и болѣе сотни узкихъ пахотныхъ полосъ, часть коихъ очень отдалена отъ селенія; навозная обработка послѣднихъ была бы убыточна, онѣ хищнически выпаживаются и забрасываются крестьянами, предпочитающими приарендовать землю внѣ надѣла въ одномъ кускѣ; такимъ образомъ во многихъ мѣстностяхъ периферія надѣла занята пустырями, бывшими когда-то пашней.

Общинное травосѣяніе является яркимъ доказательствомъ несовѣстимости интенсивной культуры съ уравнилельнымъ строемъ: крестьяне не только не увеличили численности своего скота, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже уменьшили, дабы выручать болѣе доходъ отъ продажи сѣна и клеверныхъ сѣмянъ; между тѣмъ травопольное хозяйство требуетъ большаго удобренія и лучшей вспашки, иначе является клеверное переутомленіе, и земля еще сильнѣе истощается, чѣмъ при трехпольѣ; нѣкоторыя деревни и вынуждены были къ нему вернуться. Такимъ образомъ, общинное травосѣяніе опять-таки указываетъ, что неустойчивость владѣнія побуждаетъ крестьянъ извлечь въ короткій срокъ наибольшую доходность земли въ ущербъ ея производительнымъ силамъ¹⁾. Поэтому высказывается мнѣніе, что введеніе общиннаго травосѣянія, потребовавшее значительныхъ расходовъ изъ средствъ, взятыхъ съ населенія, едва ли удачно съ точки зрѣнія общеокономической.

Неустойчивость землевладѣнія общинниковъ отмѣчается не только въ отношеніи пахотной и кормовой площади, но и въ отношеніи земли, занятой высокими культурами, требующими значительныхъ затратъ, на долгій притомъ срокъ: указываются примѣры отобранія по передѣлу огородовъ, виноградниковъ, садовъ, а также лѣса, который сберегли отдѣльные общинники.

Серьезное вниманіе удѣляется вліянію уравнилельнаго строя на моральную сторону крестьянской среды. Повсемѣстно указывается на печальныя послѣдствія зависимости самыхъ цѣнныхъ для крестьянина имущественныхъ правъ отъ произвола случайно составившагося большинства^{2/3} домохозяевъ, въ томъ числѣ и такихъ, которые запустили землю по неумѣнью и лѣности и стремятся поживиться за счетъ хозяйственныхъ крестьянъ, пустивъ ихъ наземныя полосы въ передѣлъ. Подобное положеніе убиваетъ трудовую энергію, развиваетъ апатичное отношеніе къ своему хозяйству, наклонность къ праздности и пьянству, и воспитываетъ населеніе въ неуваженіи къ чужимъ правамъ. Послѣднее особенно отмѣняется, и въ трудахъ комитетовъ имѣются многочисленные указанія, что поддержаніе общиннаго строя крайне опасно съ точки зрѣнія общаго правопорядка. Отмѣчая упадокъ духовныхъ силъ народа, нѣкоторые заявляютъ, что крестьянинъ приучается довольствоваться ничтожнымъ доходомъ, получаемымъ отъ хищнической эксплуатаціи природныхъ силъ земли, и стремленіе къ улучшенію своего матеріальнаго положенія совершенно ослабѣваетъ; этимъ объясняется отказъ недоѣдающаго населенія отъ организуемыхъ съ продовольственной цѣлью общественныхъ работъ и крайній недостатокъ въ предложеніи рабочихъ рукъ для нуждъ земледѣльческихъ хозяйствъ, на что особенно жалуются въ промышленномъ и средне-черноземномъ районахъ. Послѣднее объясняется, впрочемъ, и совершенно иначе, хотя и въ связи съ правовыми условіями крестьянской жизни: общинный строй, сельское управленіе и судъ такъ мало обезпечиваютъ имущество и трудъ отдѣльныхъ крестьянъ, что болѣе энергичные стараются уйти изъ своей деревни на дальніе заработки или въ

города, гдѣ міръ не можетъ посягнуть на результаты труда, и они защищены общимъ правопорядкомъ, а не сельскими властями и судомъ.

Наконецъ, въ трудахъ мѣстныхъ комитетовъ имѣются многочисленные указанія на крайне непроизводительное расходованіе и распредѣленіе трудовыхъ силъ народа, какъ результатъ правовыхъ условій общиннаго землевладѣнія. Отмѣчается искусственная и даже принудительная связь крестьянъ съ этимъ строемъ. Выдѣлить свой надѣлъ въ подворное владѣніе почти невозможно, ибо по закону 14 декабря 1893 г., измѣнившему извѣстную 165 статью полож. вых., выдѣлъ допускается не иначе, какъ съ согласія міра; совершенное оставленіе деревни затрудняется, главнымъ образомъ, невозможностью ликвидировать стоимость своего хозяйства иначе, какъ съ согласія міра, и цѣлымъ рядомъ другихъ стѣсненій; даже временная отлучка зависитъ отъ согласія родителей, домохозяина, сельскихъ властей, а при недоимкахъ—и міра. Такимъ образомъ, населеніе искусственно привязано къ землѣ, какъ бы вынуждено ею пользоваться. Съ другой стороны, каждый членъ общины имѣетъ право на земельное надѣленіе, что ведетъ къ тому, что лица, постоянно проживающія на сторонѣ, являются ко времени передѣла въ деревню и требуютъ надѣла, который сдаютъ затѣмъ односельчанамъ, преимущественно кулакамъ, въ аренду. При подобныхъ условіяхъ общинный земельный фондъ все болѣе раздробляется соотвѣтственно росту населенія, причемъ размельченіе земли не умѣряется, какъ при вотчинномъ владѣніи, единоличнымъ преемствомъ, денежнымъ выдѣломъ наслѣдственной части и округленіемъ мелкихъ череполосныхъ владѣній путемъ купли-продажи. Въ результатѣ подобнаго дробленія надѣлы отдѣльныхъ общинниковъ въ большинствѣ случаевъ недостаточны ни для прокормленія, ни для полнаго использования наличной рабочей силы. Конечно, при интенсивномъ хозяйствѣ тотъ же надѣлъ могъ бы прокормить пользующихся имъ лицъ и занять ихъ рабочія руки, однако, переходъ къ болѣе высокой культурѣ задерживается неустойчивостью владѣнія. Такимъ образомъ, въ средѣ общиннаго крестьянства огромная трудовая энергія остается безъ приложенія, что опять-таки воспитываетъ въ народѣ наклонность къ праздности. Но, конечно, значительная часть этого свободнаго населенія, въ особенности наиболѣе энергичная, ищетъ сторонняго заработка—въ отхожихъ промыслахъ и на фабрикахъ. Предложеніе этого труда крайне неравномѣрное: при нѣсколько лучшемъ урожаѣ на надѣльныхъ земляхъ, зависящемъ, при экстенсивномъ хозяйствѣ, исключительно отъ стихійныхъ причинъ, предложеніе рѣзко падаетъ, при нѣсколько худшемъ—сильно повышается. Между тѣмъ обрабатывающая промышленность не въ силахъ дать занятія всему свободному населенію, такъ какъ самое ея положеніе зависитъ отъ уровня благосостоянія главной массы населенія, которой является крестьянство, не имѣющее ни потребности, ни возможности пользоваться произведеніями этой промышленности. На-ряду съ этимъ, предлагаемая рабочая сила, случайно и временно оторванная отъ своего земледѣльческаго занятія, не имѣетъ не только необходимой спеціализаціи, но даже простаго навыка: фабрики и частно-владѣльческія хозяйства жалуются на неумѣніе пришлыхъ рабочихъ обращаться съ машинами и постоянную ихъ порчу, отмѣчается непроизводительность такого неспеціализированнаго труда, крайне повышающая издержки производства, несмотря на низкую заработную плату. Такимъ образомъ, народныя силы не прилагаются со всей интенсивностью къ земледѣльческому труду вслѣдствіе неустойчивости владѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно случайно распредѣляются и недостаточно спеціализируются въ промышленномъ трудѣ вслѣдствіе искусственнаго прикрѣпленія къ землѣ.

Столь непроизводительное распредѣленіе и приложеніе трудовой энергіи ведетъ къ постепенной массовой пролетаризаціи, которая, по мнѣнію противниковъ общиннаго строя,—прямое его послѣдствіе. Приводятся указанія, подтверждаемые цифровыми данными, что надѣлъ общинника не обезпечиваетъ его

¹⁾ Фактическія данныя въ томъ видѣ, какъ онѣ приведены комитетами тѣхъ мѣстностей, гдѣ существуетъ общинное травосѣяніе, подтверждаютъ эти заключенія.

продовольствія и даетъ доходъ менѣйшій, чѣмъ заработная плата батрака или фабричнаго рабочаго, и, слѣдовательно, земля менѣе обезпечиваетъ, чѣмъ трудъ оторваннаго отъ нея «пролетарія». Многочисленные цифровыя данныя, содержащіяся въ трудахъ комитетовъ, свидѣтельствуютъ о чрезвычайномъ ростѣ процента безлошадныхъ и безскотныхъ дворовъ, совершенно не обрабатывающихъ своей земли и сдающихъ ее въ аренду кулакамъ или просто забросившихъ. Постоянный ростъ недоимочности въ районахъ общиннаго землевладѣнія, ежегодная продовольственная помощь свидѣтельствуютъ также, по мнѣнію противниковъ общины, о вліяніи ея на пролетаризацію населенія.

Въ мѣстностяхъ подворнаго землевладѣнія (Западный край и Малороссія) высказываются многочисленные жалобы на чрезвычайную крѣпостность крестьянскаго подворнаго владѣнія, но голосовъ, жалующихъ объ отсутствіи общинныхъ порядковъ, почти не слышно; напротивъ того, чрезвычайность и сохранившееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ общее пользованіе кормовыми угодьями характеризуются какъ «печальное наслѣдіе общины». Въ одномъ изъ комитетовъ подворнаго района (хорольскомъ) прямо указывается, что граница подворной и общинной Россіи является границей экономическаго благополучія и упадка крестьянскаго населенія (Полтавская, 793, 794).

Въ соотвѣтствіи съ приведенными взглядами на значеніе уравнительнаго строя нѣкоторые категорически высказываются за немедленную его отміну путемъ воспрещенія на будущее время всякихъ передѣловъ земли. Однако, большинство признаетъ несомнѣнное значеніе за «вѣковымъ хозяйственнымъ укладомъ» русскаго крестьянства и полагаетъ, что никакія насильственные мѣры недопустимы; необходимо, однако, всячески облегчить крестьянскимъ обществамъ переходъ къ подворному владѣнію и всемірно ему содѣйствовать. Меньшая часть признала желательнымъ сохраненіе общиннаго строя. Однако, по вопросу о принудительномъ его характерѣ получается болѣе согласное мнѣніе, и подавляющее большинство комитетовъ, изъ числа обсуждавшихъ этотъ вопросъ, высказывается за предоставленіе отдѣльнымъ крестьянамъ права выдѣлять свой надѣлъ изъ общиннаго землепользованія помимо согласія міра; меньшинство комитетовъ высказалось противъ этого или за выдѣлъ съ согласія простого большинства домохозяевъ, а не двухъ третей, какъ это требуетъ законъ 14 декабря 1893 г.

Вопросу объ общинѣ удѣлено особое вниманіе, но и по остальнымъ вопросамъ крестьянскаго правопорядка комитеты высказались достаточно подробно и къ тому же еще съ болѣе широкимъ единодушіемъ.

Подворное и усадебное владѣніе.

Обсуждая правовой характеръ подворнаго и усадебнаго владѣнія крестьянъ, члены комитетовъ рѣшительно высказываются противъ правовой конструкціи этого владѣнія, установленной толкованіями Сената. Смыслъ ея тотъ, что подворный и усадебный участки, а также движимое имущество, необходимое для хозяйства, составляютъ «принадлежность крестьянскаго двора или семьи, притомъ семьи не родственной, а рабочей». Поэтому домохозяинъ не имѣетъ права завѣщательнаго распоряженія, а смерть его не открываетъ наслѣдства, пока живъ кто-либо изъ числящихся въ составѣ двора. По мнѣнію мѣстныхъ дѣятелей, подобное правовое построеніе дѣйствуетъ крайне отрицательно на указанный выше основной стимулъ хозяйственной дѣятельности. Крестьянинъ не можетъ оставить имущество тому изъ своихъ дѣтей, кто постоянно жилъ при немъ и своимъ трудомъ содѣйствовалъ поддержанію и улучшенію хозяйства; по смерти имущество достается всѣмъ членамъ двора, въ томъ числѣ и тѣмъ, кто проживалъ постоянно на сторонѣ и ничего рѣшительно не вложилъ въ хозяйство; часто имущество переходитъ къ отдаленнымъ родственникамъ и даже къ чужимъ, помимо близкихъ родныхъ, только потому, что послѣдніе числились отдѣльнымъ дворомъ.

На-ряду, однако, съ такимъ нарушеніемъ естественнаго у

щества къ близкимъ по крови или по привязанностямъ людямъ, сенатская конструкція предоставляетъ домохозяину широкое право распоряженія имуществомъ въ теченіе жизни; онъ можетъ сдать его въ аренду и даже продать, не испрашивая согласія остальныхъ соучастниковъ этой, казалось бы, общей собственности. Такъ какъ весьма часто домохозяиномъ является старшій братъ, дядя, вотчимъ, то подобный порядокъ вызываетъ, по указанію мѣстныхъ комитетовъ, вопіющее нарушеніе имущественныхъ интересовъ младшихъ членовъ двора.

Неотчуждаемость владѣнія.

Обращаясь къ замкнутости крестьянскаго владѣнія, комитеты указываютъ, что она выражается въ невозможности продать надѣлъ при общинномъ землепользованіи безъ согласія міра, при подворномъ же—въ невозможности облечь эту продажу въ законную форму, въ виду отсутствія у крестьянъ формальныхъ доказательствъ владѣнія, требуемыхъ для совершенія сдѣлки въ установленномъ закономъ крѣпостномъ порядкѣ. Несмотря на отсутствіе законныхъ способовъ къ передачѣ правъ владѣнія, продажа земли совершается какъ между общинниками, такъ и между подворниками. У первыхъ сдѣлки облекаются въ форму приговоровъ схода, санкціонирующихъ переходъ правъ, и полученіе такого приговора требуетъ значительныхъ накладныхъ расходовъ въ пользу міра, тѣмъ болѣе, что послѣдній имѣетъ законное право не только воспретить продажу, но даже потребовать отъ владѣльца, если онъ совершенно оставляетъ деревню, безвозмездной сдачи надѣла и даже очистки его отъ выкупного долга; у вторыхъ, т. е. у подворныхъ владѣльцевъ, громадное распространеніе получили частныя сдѣлки, не имѣющія никакой юридической силы и ведущія поэтому къ постояннымъ тяжбамъ и отнятію купленной земли. Независимо недопустимости подобнаго положенія въ области серьезнѣйшихъ имущественныхъ отношеній, многіе комитеты признаютъ вреднымъ самый принципъ неотчуждаемости крестьянской земли. Усложняющійся экономическій бытъ народа дѣлаетъ во многихъ случаяхъ неизбежнымъ оставленіе надѣла, и принудительная съ нимъ связь вызываетъ искусственное и потому непродуцирующее распредѣленіе народнаго труда и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ послѣдствіемъ чрезвычайное дробленіе земельной собственности. Однако, многіе опасаются раскрѣпленія крестьянской земельной собственности, предсказывая неизбежную ея мобилизацію и сосредоточеніе въ однихъ рукахъ. Въ отвѣтъ на это высказывается убѣжденіе, что, если крестьяне будутъ владѣть своей землей на общихъ основаніяхъ гражданскаго права, то они будутъ такъ же дорожить ею, какъ въ настоящее время «купчей» землей, т. е. прибрѣтенной въ надѣла. Хищническая эксплоатація земли замѣнится расчетливымъ къ ней отношеніемъ, заботой о сохраненіи и усиленіи ея производительныхъ силъ, и такая земля прокормитъ больше народа, чѣмъ она въ силахъ сдѣлать теперь. Поэтому нѣтъ основаній ожидать массоваго отдѣленія народа отъ земли, и свободная собственность отдѣлитъ отъ нея только ту часть населенія, которая не чувствуетъ призванія къ земледѣльческому труду и способна найти заработокъ въ другихъ отрасляхъ промышленности. Вмѣстѣ съ тѣмъ раскрѣпленіе земельной собственности предупредитъ вредное ея дробленіе, давъ возможность однимъ ликвидировать мелкіе участки, непригодные для веденія самостоятельнаго хозяйства, а другимъ—увеличить свое владѣніе до необходимыхъ размѣровъ. Во всякомъ случаѣ едва ли возможно ожидать большаго отдѣленія отъ земли, чѣмъ это нынѣ наблюдается въ общинныхъ районахъ, гдѣ значительный процентъ крестьянъ совершенно не обрабатываетъ своихъ надѣловъ за отсутствіемъ инвентаря, и они сосредоточиваются въ рукахъ кулаковъ и міроѣдовъ.

Семейные раздѣлы.

Дробимость владѣнія, какъ уже сказано, признается естественнымъ послѣдствіемъ общиннаго строя и неотчуждаемости надѣльной земли. Равнымъ образомъ, объясненная выше сенатская конструкція подворнаго владѣнія сильно вліяетъ на семейные раздѣлы: отецъ слѣбитъ при жизни выдѣлить

любимаго сына, такъ какъ иначе на его долю придется ничтожная часть, ибо весь «рабочій союзъ въ составѣ двора», въ томъ числѣ и проживающіе на сторонѣ члены его, получаютъ равныя права на имущество умершаго домохозяина; если же послѣднимъ является боковой родственникъ, то всѣ члены двора стремятся къ выдѣлу, дабы обезпечить принадлежащую имъ часть общаго имущества отъ произвола такого домохозяина. Находя, что независимо этихъ правовыхъ условий, усиливающихъ семейные раздѣлы, измѣнившійся экономическій строй дѣлаетъ невозможнымъ совмѣстное хозяйство цѣлой родовой семьи, какъ это наблюдалось въ крѣпостное время, многіе члены комитетовъ рѣшительно высказываются противъ самаго начала регламентаціи семейныхъ раздѣловъ, признавая, что изданныя съ этой цѣлью правила не согласуются съ жизнью и повсемѣстно обходятся, что, однако, вызываетъ тяжбы, жалобы и непроизводительную затрату денегъ для полученія согласія міра на раздѣлъ.

Разрѣшеніе рассмотрѣнныхъ вопросовъ объ условіяхъ подворнаго и усадебнаго владѣнія, о замкнутости надѣльной земли и дробности ея проектируется преобладающимъ большинствомъ комитетовъ, высказавшихся по этимъ вопросамъ, въ смыслѣ предоставленія крестьянамъ тѣхъ гражданскихъ правъ, коими пользуются всѣ прочія сословія.

II.

Публичное право крестьянъ.

Свобода передвиженія.

Обращаясь къ области публичнаго права, опредѣляющаго объемъ правъ личныхъ по состоянію (согласно терминологіи нашего законодательства), мѣстные комитеты указываютъ на серьезныя стѣсненія крестьянъ въ свободѣ передвиженія и труда. Провистекаютъ они, главнымъ образомъ, изъ приведенныхъ выше оговорокъ въ правѣ распоряженія надѣльной землей, при общинномъ же землепользованіи сводятся, въ сущности, къ лишенію имущественныхъ правъ, въ виду предоставленной міру возможности потребовать безвозмездной сдачи надѣла. Независимо, однако, этого главнаго препятствія законъ ставитъ цѣлый рядъ стѣсненій не только для совершеннаго выхода изъ деревни, но и для временной отлучки по паспортамъ. Крестьянинъ можетъ быть задержанъ міромъ, сельскими властями, домохозяиномъ и родителями, и мѣстные комитеты рѣшительно высказываются противъ подобныхъ ограниченій, установленныхъ въ свое время ради обезпеченія выкупныхъ платежей и прочихъ повинностей, нынѣ же, съ погашеніемъ большей части выкупного долга, увеличеніемъ цѣнности земель и преобразованиемъ податной системы, потерявшихъ всякое значеніе.

Крестьянское управленіе.

Право защиты крестьянскихъ интересовъ въ порядкѣ установленнаго для нихъ управленія и суда признается большинствомъ высказавшихся по этому вопросу мѣстныхъ комитетовъ мало обезпеченнымъ. Органами непосредственнаго управленія крестьянами являются сходъ домохозяевъ и выборныя сельскія власти. Первый, кромѣ чисто хозяйственныхъ дѣлъ, обусловленныхъ общностью земельного пользованія, вѣдаетъ и административно-финансовыя—раскладку повинностей и увольненіе изъ общества, судебныя—семейные раздѣлы и опеку надъ малолѣтними и, наконецъ, дѣла общественнаго благоустройства. Сельскія власти, будучи исполнительными органами схода, обратились, кромѣ того, въ низшую инстанцію правительственной власти и являются какъ бы мѣстными учрежденіями всѣхъ Министерствъ и вѣдомствъ. Подобное положеніе признается комитетами совершенно не отвѣчающимъ интересамъ крестьянскаго населенія. Сельскій сходъ характеризуется весьма часто какъ сборище людей, лишенныхъ возможности толково обсудить общее дѣло, и разрѣшающее обыкновенно дѣла отдѣльныхъ крестьянъ при условіи угощенія виномъ. Выборная служба въ сельской администраціи

является тяжелой повинностью, отрывающей отъ хозяйства; поэтому старшія должности, болѣе почетныя (волостные старшины) замѣщаются или кулаками, или зависящими отъ нихъ людьми, а младшія—самыми безхозяйственными крестьянами. Подобный составъ, оставляющій желать многого по своимъ нравственнымъ качествамъ, не отличается безкорыстнымъ отношеніемъ къ интересамъ отдѣльныхъ крестьянъ, безсиліемъ принести какую-либо пользу въ области полиціи безопасности и къ тому же заваленъ обязанностями по податному и продовольственному дѣлу, воинской и военно-конской повинности, всевозможными порученіями разныхъ вѣдомствъ, встрѣчами, дежурствами, а также собираніемъ и доставленіемъ безконечныхъ статистическихъ свѣдѣній.

Хотя эта администрація всецѣло занята исполненіемъ правительственныхъ порученій и дѣлами всеобщими, однако, повинность по ея содержанію ложится исключительно на крестьянское населеніе.

Мѣстные комитеты, въ большинствѣ случаевъ, предлагаютъ распространеніе на крестьянъ общаго правопорядка; въ частности многіе проектируютъ коренную реорганизацію сельскаго управленія, оставивъ въ вѣдѣніи схода одни лишь хозяйственныя дѣла общаго земельного владѣнія, полагая вмѣстѣ съ тѣмъ, что съ прекращеніемъ общиннаго землепользованія обязанность этихъ сходовъ ограничится завѣдываніемъ общими выгонами и пастбищами. Обязанности по увольненію изъ общества совершенно отпадаютъ, въ виду проектируемаго комитетами устраненія всякихъ стѣсненій къ выходу изъ деревни. Семейные раздѣлы точно также изъемяются отъ внимательства міра и только въ случаѣ несогласія и споровъ дѣлящихся разрѣшаются судебною властью; ея же вѣдѣнію или правительственной административной власти передается опекуское дѣло. Что касается полиціи безопасности, обязанностей судебно-полицейскихъ, податнаго дѣла, воинской и военно-конской повинности,—все это должно быть въ рукахъ правительственной власти, низшими органами которой могли бы быть волостныя правленія, но не какъ выборныя учрежденія, а замѣщаемыя по назначенію, съ опредѣленнымъ окладомъ содержанія и образовательнымъ цензомъ для старшихъ должностей. Наконецъ, мѣстныя дѣла хозяйственныя и общественнаго благоустройства, а именно медицинское, школьное, дорожное, пожарное, страховое, продовольственное, дѣла, касающіяся агрономической помощи населенію,—все это подлежитъ вѣдѣнію земства, организація коего подлежала бы дополненію въ смыслѣ приближенія къ мѣстнымъ хозяйственнымъ нуждамъ.

Крестьянскій судъ.

Разсматривая условія судебной защиты крестьянскихъ правъ, мѣстные комитеты признаютъ наименѣе удовлетворительной стороной этого дѣла примѣненіе обычнаго права. Такового, по преобладающему мнѣнію, не существуетъ, и поэтому возможность примѣненія его открываетъ широкій просторъ для самаго грубаго произвола. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ области имущественныхъ отношеній освобожденное крестьянство, соприкасающееся съ общимъ правопорядкомъ въ условіяхъ городской жизни, владѣнія вѣнадѣльной недвижимостью, договорныхъ отношеній съ лицами некрестьянскаго сословія, въ обстановкѣ промышленной и торговой дѣятельности и проч., воспріяло многія основныя положенія общаго гражданского права. Такимъ образомъ, у крестьянъ сложилось убѣжденіе въ правѣ распоряженія надѣльной землей, завѣщанія ея, наслѣдованія въ порядкѣ родственной близости, неотъемлемой принадлежности опредѣленной доли изъ нераздѣльнаго наслѣдства, и крѣпость такихъ имущественныхъ отношеній охраняется въ громадномъ числѣ случаевъ силой народнаго правосознанія. Волостные суды тоже основываютъ свои рѣшенія на такомъ «обычномъ правѣ», заимствованномъ изъ писаннаго. Между тѣмъ рѣшенія эти постоянно отмѣняются учрежденіями по крестьянскимъ дѣламъ, обязанными руководиться сенатскими разъясненіями о семейной собственности и ничтожности всякихъ свѣдѣній о недвижимости, совершенныхъ не въ крѣпост-

номъ порядкѣ (къ которому, однако, крестьяне не могутъ прибѣгнуть, въ виду другихъ рѣшеній Сената). Подобнаго рода судебная защита имущественныхъ правъ крестьянъ дѣлаетъ ихъ крайне спорными и неустойчивыми о чемъ показательно свидѣлствуютъ примѣры, приводимые комитетами.

Поэтому большинство высказывается противъ примѣненія общаго права и подтверждаетъ указанное ранѣе положеніе о построеніи имущественныхъ отношеній на точномъ основаніи общаго гражданскаго права. Нѣкоторые, однако, признають существованіе обычая, преимущественно въ сферѣ наследственнаго права, но считаютъ необходимымъ тщательно выяснять эти обычаи для отдѣльныхъ мѣстностей и ввести ихъ въ законъ.

Касаясь области уголовного судопроизводства волостного суда, комитеты единогласно высказываются противъ тѣлеснаго наказанія.

Засимъ, личный составъ волостныхъ судовъ характеризуется весьма отрицательно. Пополняется онъ далеко не лучшимъ элементомъ населенія, такъ какъ хозяйственные крестьяне уклоняются отъ выбора въ судьи, какъ обременительной повинности, отрывающей отъ дѣла. Экономическая и правовая приниженность волостныхъ судей ставитъ ихъ въ зависимость отъ каждаго властѣ имѣющаго или зажиточнаго лица, начиная съ урядника, волостного старшины и мѣстнаго кулака. Эта зависимость, въ связи съ невысокимъ часто нравственнымъ и умственнымъ уровнемъ волостныхъ судей, вызываетъ рядъ нареканій на ихъ дѣятельность, которая характеризуется весьма часто, какъ не имѣющая ничего общаго съ правосудіемъ.

Многочисленныя пожеланія комитетовъ по вопросу о реформѣ волостного суда сводятся, главнымъ образомъ, къ

распространенію на крестьянъ общаго правопорядка, въ частности къ замѣнѣ волостного суда общими судебными установленіями, съ приближеніемъ ихъ къ населенію, причемъ признается возможнымъ оставленіе самыхъ маловажныхъ дѣлъ въ вѣдѣніи низшаго выборнаго суда, организованнаго, однако, на началахъ всеословности и при условіи извѣстнаго образовательнаго ценза и соотвѣтственнаго вознагражденія, хотя бы для предсѣдателя такого суда.

Въ связи съ вопросомъ защиты крестьянскихъ правъ правильно организованнымъ судомъ высказываются многочисленные пожеланія объ отмѣнѣ административныхъ взысканій, налагаемыхъ нынѣ на крестьянъ сельскими властями и земскими начальниками безъ всякаго формальнаго производства. Выражаются также предположенія о предпочтительности передачи общимъ судебнымъ установленіямъ судебныхъ обязанностей, возложенныхъ нынѣ на учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ.

Заключеніе.

Всѣ вышеизложенныя пожеланія могутъ быть сведены къ двумъ основнымъ положеніямъ, раздѣляемымъ большинствомъ комитетовъ, высказавшихся по вопросамъ крестьянскаго правопорядка:

1) содѣйствовать переходу сельскихъ обществъ къ подворному и хуторскому владѣніямъ, предоставивъ отдѣльнымъ крестьянамъ выдѣлять свой надѣлъ изъ общиннаго землепользованія помимо согласія міра;

2) устранить обособленность крестьянъ отъ правъ гражданскихъ и личныхъ по состоянію, въ частности—въ области управленія и суда.

